

Следующие несколько дней я провёл в затворе, не покидая своих покоев. Впрочем, одиночество длилось недолго: гости шли один за другим.

Матушка-императрица прислала из дворцовой кухни сладости — пышущие жаром, мягкие и тающие во рту. Дворцовая служанка дождалась, пока я съем всё до последнего кусочка, и лишь затем забрала шкатулку и удалилась.

Пятый брат, Чу Янь, принёс целую россыпь диковинных камешков и помог разложить мою коллекцию. Среди старых находок нам попался пятицветный камень — я отыскал его в Императорском саду, когда мне было семь лет, и с тех пор бережно хранил, собираясь однажды подарить Сюй Цинцзэ.

Теперь же я без колебаний отдал его Чу Яню.

Четвёртый брат, Чу Шао, прихватил с собой стопку забавных лубочных картинок и без умолку рассказывал смешные истории. Говорил он бойко и задорно. Сначала я лишь вынужденно улыбался, но постепенно его веселье заразило и меня — я рассмеялся от всей души, ненадолго забыв о печали.

— Брат, ты отдал пятицветный камень Пятому, а мне? — лукаво спросил Чу Шао. — Я ведь тоже твой брат, нельзя же так откровенно тешить только его!

Я растерялся и замаялся. Обоих младших братьев я любил одинаково. Камень был моим самым большим сокровищем, а ничего столь же ценного у меня больше не оставалось.

Заметив моё замешательство, Чу Шао рассмеялся:

— Тогда просто обними меня, брат! Твои объятия куда дороже любого камня.

Я раскрыл руки. Чу Шао прижался ко мне и слегка похлопал по спине:

— Брат, ты должен быть счастлив.

Навестил меня даже старший брат — наследный принц Чу Цзюнь. У него всегда не хватало времени: государственные дела, аудиенции с чиновниками, учёба... Его появление в моей усадьбе стало полной неожиданностью.

Он принёс в подарок лук, только что выкованный мастерами Министерства общественных работ: изящный, из воронёной стали, приятно тяжёливший руку. К нему прилагалась дюжина стрел с великолепным оперением.

— Ты ведь любишь стрельбу, — сказал он. — Пока сидишь без дела, походи на стрельбище,

развейся. Попотеешь как следует — и всё дурное само из головы вылетит.

Братья сменяли друг друга, не оставляя мне ни минуты для уныния. В ту злополучную ночь при одной мысли о Сюй Цинцзэ сердце сжималось от острой боли, а слёзы текли сами собой. Но прошло всего несколько дней — и при упоминании его имени в груди больше не ковыряло ледяной иглой.

Тогда я понял, что имел в виду отец-император: взрослый человек должен сам платить за свои решения.

Отец так и не пришёл и никого не прислал. Но Чу Шао обмолвился: главу Секретариата указом государя заперли дома на семь дней — отмаливать грехи за закрытыми дверями.

На шестой день после того разговора я наконец переступил порог спальни.

Стоял яркий полдень, солнце палило вовсю. Прикрыв ладонью глаза от слепящих лучей, я тихо прошептал:

"Сюй Цинцзэ мне больше не нравится"

Я отправился к Цю Гуаньи. Тонкий ценитель и философ, он сидел у себя и в одиночестве разыгрывал партию в вейци.

— Нынче шестой день, — произнёс я с порога.

Он опустил камень на доску и лёгким движением пальцев смахнул окружённые шашки:

— Именно так, Ваше Высочество.

— Но я до сих пор не встретил никого, кто мог бы стать моей княгиней.

Цю Гуаньи поднял взгляд и едва заметно улыбнулся:

— Разве сегодня вечером Ваше Высочество не покидает усадьбу?

— Покидаю, — согласился я. — Второй брат вернулся. Отец устроил во дворце пир, чтобы смыть с него пыль дальних дорог.

— Вот и ответ. Вам нужно лишь отправиться на пир, как предписано.

Я нахмурился:

— Но на пиру будут только сановники да полководцы.

Представив иссечённые морщинами лица почтенных старцев, я усомнился в словах Цю Гуаньи. Однако тот лишь загадочно промолчал. Выудить из него больше не удалось ничего. Впрочем, спорить я не стал — в конце концов, я и любил его за эту непостижимую мудрость и независимый нрав.

Палочные удары, полученные Сяфэном и Дунцзы, наконец зажили, и я взял их с собой.

Выйдя из экипажа у ворот Императорского дворца, я обернулся — и обомлел. Ко мне приближался Сюй Цинцзэ. Он был всё в тех же белоснежных одеждах, но за эти дни заметно осунулся и похудел.

Дунцзы смерил его исполненным ненависти взглядом и крепко вцепился в мой рукав. Сяфэн же решительно шагнул вперёд, заслоняя от меня Сюй Цинцзэ:

— Ваше Высочество, час поздний, пора во дворец.

— Я больше не стану искать с ним встреч, — тихо сказал я.

Слуги, похоже, не поверили ни единому слову — они буквально под руки потащили меня к дворцовой галерее. Я только вздохнул, мысленно прислушиваясь к себе: в груди и впрямь почти не осталось прежней тяжести.

Вдруг позади раздался громкий, исполненный искренней радости голос:

— Сяо Сань-эр!

Я обернулся. На поджаром коричневом скакуне сидел статный воин. Он белозубо улыбался, озаряя всё вокруг задорным весельем.

Это был Второй принц, Чу Са — мой второй старший брат, что годами командовал войсками на северной границе.

Спрыгнув с седла, он в несколько широких шагов подошёл ко мне, сгреб в могучие объятия и напроочь взъерошил мне волосы:

— Сяо Сань-эр! Вымахал-то как! Помнишь ещё второго брата?

Я с трудом выпутался из его стальной хватки и выдохнул:

— Второй брат...

Второй брат отличался простым и прямым нравом. Уезжая в Бэймо на пару лет, он всякий раз переживал, что по возвращении я перестану его узнавать. И каждый раз встречал меня одним и тем же вопросом.

Раньше я терпеливо объяснял ему, что просто медлительнее других соображаю, но памятью не обижен. Однако при следующей встрече всё повторялось. Наверное, провалами в памяти страдал он сам, а вовсе не я.

Чу Са увлёк меня во дворец.

Нынче ради пира Чуньли нарядила меня с особой тщательностью: поверх бирюзового халата, расшитого журавлями и облаками, набросила лёгкую накидку с оторочкой из кроличьего меха, а волосы аккуратно собрала на макушке и скрепила простым венцом. Перед выходом Чуньли без устали нахваливала мой вид, уверяя, будто прекраснее мужчины нет на всём белом свете. Хотя, как по мне, она просто восхищалась собственным искусством подбирать наряды.

Второй брат сжал меня так, что свёл на нет весь её труд. К счастью, Сяфэн оказался мастаком на все руки и быстро привёл мою причёску в порядок.

Я плохо разбирался в изящной словесности, зато души не чаял в верховой езде и стрельбе. Второй брат, закалённый в боях полководец, всегда был моим кумиром. Я с детства мечтал надеть доспехи и разить врагов плечом к плечу с ним. Но матушка-императрица и слушать об этом не желала, да и отец, исполнявший любые мои прихоти, в этом вопросе стоял насмерть. Мне оставалось лишь утолять жажду расспросами.

Брат рассказал, что в Северной пустыне столкнулся с поистине грозным противником. Иностраннный полководец был божественно хорош в стратегии и невиданно силен в бою: сам рвался в авангард, раскидывая наших воинов, точно щепки.

— Неужто он умелее тебя, Второй брат? — изумился я.

Чу Са неловко кашлянул:

— На поле брани сила войска важнее доблести одного человека.

Раз брат признал это, значит, тот полководец и впрямь превосходил его. Моё любопытство разгорелось с новой силой. Чу Са всегда отличался самоуверенностью, а суровая закалка сделала его гордым и дерзким. Насколько же велик должен быть тот человек, если даже Второй брат заставил себя отдать ему должное?

Впрочем, Чу Са тут же хмыкнул и уже сурово добавил:

— В Северном Инь сидят недалёковидные глупцы. Выковался у них настоящий воин, да ещё и родной сын старого правителя — так они не нашли ничего лучшего, как отправить его в Южную Чу в качестве заложника!

Я слушал сбивчиво, зацепившись лишь за одно:

— Родной сын?

— Именно так, — вздохнул Чу Са. — Наследный принц Северного Инь — вот кого я привёз с собой под конвоем.

— Но почему? Наследник... разве он не сын императора?

Я задумался: если бы Южная Чу потерпела поражение, неужели отец отправил бы старшего брата заложником к врагам? Нет, ни за что. Отец одинаково любил каждого из нас.

Чу Са желчно усмехнулся:

— Старому правителю Инь всё равно осталось коптить небо от силы пару лет. Вот он и решил отрубить себе руку, лишь бы выторговать у нас несколько лет покоя для своего увядающего царства.

Я плохо понял его политические выкладки. Мне лишь подумалось: каково сейчас этому наследному принцу? Отвергнутый собственным отцом, брошенный в чужой стране... Сколько горя и унижений ждёт его впереди?

За разговорами мы подошли к парадному дворцу.

У дверей стоял Пятый брат, Чу Янь. Перво-наперво он склонился перед Чу Са:

— Второй брат.

Затем повернулся ко мне, с нескрываемой тревогой всматриваясь в моё лицо:

— Брат, тебе хоть немного легче?

Прежде я как-то не замечал, но теперь вдруг осознал: Чу Янь всегда звал меня просто "брат", опуская чин "третий".

— А с чего это Сяо Сань-эр не в духе? — удивился Чу Са.

Не успел Чу Янь ответить, как к нам приблизился Сюй Цинцзэ. Он чинно поклонился нам и прошёл в зал.

Чу Янь нарочито громко бросил ему вдогонку:

— Да из-за некоторых неблагодарных тварей!

Спина Сюй Цинцзэ на мгновение одеревенела.

Даже мне выходка Пятого брата показалась ребячеством. Я подёргал его за рукав:

— Он мне больше не нравится. И искать встреч я с ним не стану.

Чу Янь мгновенно просиял.

Чу Са покровительственно похлопал меня по плечу и повёл внутрь:

— Ты ведь всегда восхищался храбрыми воинами. А Сюй Цинцзэ — хилый книжник, что в нём хорошего? Не горюй, Второй брат присмотрит для тебя кого-нибудь из доблестных военачальников — чтобы и силой обладал, и нравом был кроток, да умел о тебе позаботиться.

Когда пир начался, мой взгляд вопреки воле снова соскользнул к Сюй Цинцзэ. Пусть я твёрдо решил выбросить его из сердца, привычка, въедавшаяся годами, не исчезает в один миг. Глаза сами собой искали его силуэт.

Его место располагалось наискосок от моего. Сюй Цинцзэ сидел подле наследного принца Чу Цзюня. Старший брат наклонился к нему, что-то тихо выговаривая, а Сюй Цинцзэ, чуть склонив голову, внимал каждому слову с полнейшей покорностью.

В груди уколола затаённая обида.

Он никогда не слушал меня так. Мои речи он считал лишь вздором.

Я так погрузился в свои печальные мысли, что не заметил, как Сюй Цинцзэ вскинул голову. Наши взгляды пересеклись. На его лице мелькнуло сложное, нечитаемое выражение.

Я в смятении отвёл глаза и мысленно принялся убеждать себя:

"Моё сердце вовсе не желало смотреть на него. Это глаза ослушались сердца и увязались за ним сами"

— Ошибаетесь, Ваше Высочество, — прозвучал рядом мягкий, дребезжащий от старости голос.
— Глаза — это зеркало души. Кабы сердце не желало, стали бы глаза действовать своевластно?

Я несколько раз пробормотал своё оправдание, прежде чем сообразил, что обращаются ко мне.

Повернувшись, я увидел седого сановника. Он добродушно улыбался, поглаживая длинную бороду. Раз он восседал по правую руку от меня, стало быть, занимал весьма высокий пост.

Но в тот миг мне хотелось лишь отстоять свою правоту, и я вполне серьёзно ответил:

— Глаза наделены собственной душой. Стало быть, и умысел у них может быть свой.

Старый сановник на мгновение задумался, а затем тонко улыбнулся:

— В ваших словах есть зерно истины, Ваше Высочество. Не соизволите ли взглянуть на эти старые очи? Есть ли у них какой умысел?

Я вгляделся в его лицо.

Ему было много лет, но глаза сияли удивительно ярко. Глубокие, мудрые, упрятанные в сетку морщин, они горели живым, неугасимым огнём.

— Ваши глаза очень молоды, — искренне проговорил я. — И полны пыла. Им хочется свершить ещё очень много дел.

Он опешил, а затем зашёлся раскатистым, глубоким смехом. Этот смех привлёк внимание соседей, и сановники стали поворачивать головы в нашу сторону.

Один из чиновников с улыбкой спросил:

— Что же так развеселило Великого учёного Гао?

Старец ответил:

— Эх, министр Ли! Третий принц чист душой и не огранён, словно редкий самоцвет. В речах его сокрыта истинная мудрость. Побеседовал я с Его Высочеством — и будто заново родился, силами воспрянул!

Несколько подхвативших беседу чиновников тут же рассыпались в елейных похвалах по моему адресу. Впрочем, даже я сообразил: льстили они не мне, а стоящему перед ними Великому учёному.

Разговор продолжался, Гао И снова искренне хохотал.

И вдруг я ощутил на себе тяжёлый, недобрый взгляд. Вскинув голову, я посмотрел на стол наследного принца — но Чу Цзюнь и Сюй Цинцзэ по-прежнему непринуждённо беседовали, улыбаясь друг другу.

На драконьем троне во главе зала восседал отец-император, задумчиво взирая на меня. Сидевшая подле него матушка-императрица хранила безупречную, величавую улыбку.

Вспомнив предсказание Цю Гуаньи о небесных знамениях, я принялся оглядывать присутствующих. Мой взгляд неторопливо скользил по лицам — кругом сидели лишь пожилые сановники с оплывшими фигурами да изрытыми морщинами физиономиями.

— Брат, да кого ты там высматриваешь? — поинтересовался сидевший рядом Чу Янь.

Я повернулся к нему и пару мгновений молча разглядывал его собственное лицо.

Чу Янь смутился от такого пристального внимания и повторил вопрос.

— Я ищу свою княгиню, — честно признался я.

Пятый брат прыснул:

— Брат, ты до сих пор веришь бредням того бродячего гадателя? Какое ещё "через семь дней всё прояснится"? Ты правда принял это всерьёз?

Не успел я ответить, как над залом пронёсся тонкий, зычный голос евнуха:

— Послы Северного Инь испрашивают аудиенции!

Звук затих, и в сопровождении дворцовой стражи в зал вошла процессия. Человек, шествовавший в центре, выделялся ярко-алым, точно свежая кровь, халатом.

Они проходили мимо моего стола. Когда мимо меня скользнул этот край одеяния — пылающий, словно заходящее солнце, — моё тело пробил крупная дрожь.

Рука вздрогнула, и кубок со звоном упал на пол, разлетевшись на осколки.

Дыхание перехватило.

Я порывался встать, но чья-то тяжёлая рука вовремя прижала меня обратно к сиденью.

Где-то вдалеке евнух зачитывал верительные грамоты, отец ответил несколькими велеречивыми фразами... Но я не слышал ни слова. В ушах гудело, точно от удара в гигантский колокол.

В голове не осталось ни единой мысли. Всё моё существо, всё моё зрение и сердце были захвачены этим единственным ярким пятном. Я судорожно, с трудом ловил ртом воздух, грудь ходила ходуном. Я смотрел на эту фигуру, казавшуюся сошедшим с небес небожителем, и не мог оторвать глаз.

Я нашёл свою княгиню.

<http://bllate.org/book/20619/2106620>